

Мы достигнем территории Латема через четыре дня, — объявила Карина.

Реннегер смотрел на нее с уникальным выражением лица, безмолвно повторяя ее слова: четыре дня.

— После этого наши пути разошлись бы?— спросил он.

Она могла различить скрытые эмоции за его кротким фасадом. Лукавая улыбка изогнула ее губы, когда она протянула руку, чтобы нежно погладить его грудь.

— Чего ты хочешь, мой дорогой? — поддразнила она.

— Скажи мне. Никогда не знаешь, возможно, я удовлетворю твою просьбу.

Лицо Реннегера исказилось, он нахмурился, схватил ее за руку и прорычал сквозь стиснутые зубы: “Я знаю, ты бы не согласилась, даже если бы я сказал тебе”.

Хотя он излучал пугающую ауру, Карина не могла удержаться от восторженного смеха.

— Это странная привычка, — заметил он, и его сердитый взгляд сменился весельем, когда он отпустил ее руку.

— Тебе это не нравится? — спросила она, и ее улыбка медленно погасла.

Реннегер ответил не сразу. Он смотрел на нее спокойными, ясными глазами, похожими на ласковую реку, которая освещала все вокруг. Внезапно его глаза наполовину прикрылись, и теплая улыбка озарила его лицо. Он наклонился, прижавшись щекой к щеке Карины и уткнувшись в нее носом.

— Нет, — прошептал он страстным голосом, — я собирался сказать, что мне нравится эта твоя сторона. Легко поцеловав ее в щеку, он выпрямился и направился к лестнице. Не оборачиваясь, он объявил: “Сейчас я удалюсь в свою комнату, так как утром у нас ранний отъезд”.

Ошеломленная, Карина застыла на месте, ошеломленная его дерзостью. И все же, как ни странно, она не чувствовала гнева.

Карина скрестила ноги, подперев подбородок рукой, наблюдая, как увеличенный в размерах Хирон пожирает безжизненное тело Сизель. Единственными звуками, наполнявшими воздух,

были слышимые хрусты укусов Хирона. Хотя она была близка к врачу клиники, она чувствовала себя безразличной к ситуации. В ее взгляде не было сострадания; это была эмоция, на которую она изначально была неспособна испытывать.

— Ты без необходимости разговаривал с Реннегером, — пожурела она, устремив безразличный взгляд на Хирона. Когда змей вздрогнул и громко зашипел, она добавила: “Ты знаешь, что обсуждение вопросов, связанных с богами, запрещено, не так ли?”

В спешке проглотив последние останки тела Сиэль, Хирон закашлялся, прежде чем повернуться к ней.

— Этот человек — потомок бога океана. Рано или поздно он должен был узнать эту правду, с моим участием или без него.

— Даже если бы это было правдой, ему не нужно было узнавать об этом сейчас.

— Это лучше, чем то, что он узнает правду от жителей Латема.

Карина поджала губы и, откинувшись назад, помассировала ноющую голову.

— Это будет хлопотно, — пробормотала она.

— Что будет неприятным?

— Этот высокомерный дурак.

Может ли одна капля грязи так сильно изменить ситуацию? Точно так же, как одна капля грязи может затуманить чистую воду и навсегда запятнать ее, то же самое можно сказать и о Реннегер. Когда она впервые встретила его, он был безупречным и добродетельным святым рыцарем, но теперь? Она тихо усмехнулась, подняв голову.

— Кажется, ты получаешь удовольствие, несмотря на свои жалобы, — сказал Хирон.

— Последние три года я держалась в тени. Думаю, я могу позволить себе немного развлечься.

— Развлечение...— Хирон нахмурился глядя на нее.

— Веди себя подобающе. Неприятно, что ты позволяешь этому слабаку цепляться за тебя.

Карина просто пожала плечами в ответ на язвительный комментарий змея. Она наслаждалась происходящим, но не собиралась переходить какие-либо границы.

— Пока я веду себя подобающе, — заметила она, пренебрежительно махнув рукой.

— В любом случае, если ты закончил есть, пора возвращаться в дом. Мы уезжаем завтра.

Хирон прищелкнул языком, явно раздраженный напоминанием. Его раздвоенный язык быстро щелкнул, когда он впился в нее взглядом. — Почему такой внезапный и срочный отъезд?

Рот Карины слегка приоткрылся, когда она поняла, что из-за ночных событий она забыла сообщить Хирону о том, что произошло, до ее возвращения домой. Она нащупала записку, которую сунула в карман, и осторожно развернула ее.

— Луна нашла меня.

Хирон изучил записку и фыркнул, увидев слова, нацарапанные на клочке бумаги. Сообщение “Давно не виделись” было именно тем, что сказал бы этот несчастный гриффин.

— Ты же не думаешь о том, чтобы сбежать, не так ли?

— Что, если это так?

— Как тебе не стыдно! — Голос Хирона повысился от гнева. — Ты более чем способна победить эту тщедушную дурачку одним взглядом. Почему ты избегаешь конфронтации?

— Я — Карина облизнула губы и избегала взгляда змеи.

— Я просто не могу беспокоиться.

Со слышимым шипением Хирон обнажил свои блестящие ядовитые клыки и заскрежетал зубами.

— Иногда кажется, что ты намеренно пытаешься досадить мне.

— Зачем мне это делать? — невинно спросила она.

— Ты довольно устрашающий, когда расстроен, Хирон.

— Ты отвратительна. Отойди от меня.

Отруганная змеем, Карина слезла с него. Она постучала по чешуе Хирона и и посмотрела на его лицо. — Конечно, я могла бы убить Луну. Как ты сказал, я ни за что не проиграю ей, — начала она, глубоко вздохнув, но...

Карина остановилась и вздрогнула, по спине пробежал холодок. Дурное предчувствие терзало ее с тех пор, как она получила записку Луны, и со временем оно только усилилось. Без видимой причины она почувствовала, как по ее коже побежали мурашки.

В конце концов, она призналась: “Что-то здесь не так”.

— Как же так?

— Я не могу точно определить, но что-то здесь не так, — пробормотала Карина, обеспокоенно нахмутив брови.

— Это Ксиль? — Спросил Хирон спокойным и невозмутимым тоном, не обращая внимания на раздражение Карины при упоминании ее беспокойного брата или сестры.

Глаза Карины вспыхнули от раздражения, когда она вызвала в воображении образ ужасного брата или сестры.

— Зачем тебе вспоминать об этом сумасшедшем? — возразила она, в ее голосе прозвучало раздражение.

Невозмутимый характером Карины, Хирон хладнокровно ответил: “Девка, должно быть, сообщила Ксилью о том, что нашла тебя. Ты беспокоишься, что он может прийти за тобой?”

Карина нахмурилась, услышав вопрос Хирона. Хотя она и беспокоилась о Ксилье, это не было основной причиной ее беспокойства. Покачив головой, она ответила: “Луна не раскроет мое местонахождение”.

— Ты уверена?

— Да, она сама хочет убить меня.

Карина сочла действия Луны вполне предсказуемыми, что заставило ее поверить, что Ксиль не станет немедленно преследовать ее. По крайней мере, она надеялась, что это даст ей немного времени, чтобы добраться до Латема.

— Это дает тебе еще больше причин противостоять ей! Почему ты убегаешь, когда тебе предстоит встретиться лицом к лицу с врагом?

— Я уже говорила тебе. Меня это не беспокоит.

— Тьфу! Ты причина судороги у меня на затылке!

— У тебя вообще есть затылок?— Карина съязвила, ее реплика заставила Хирона зашипеть и обнажить ядовитые клыки, заставив ее неловко замолчать.

— Если эта девка обнаружила тебя, то это только вопрос времени, когда Ксиль найдет тебя.

— Я знаю.

— Тогда ты должен позаботиться об этой ране на шее! Найди способ вернуть себе силу!

— Почему ты кричишь на меня? У меня болят уши.

— Карина!— Хирон закричал.

— Хорошо, хорошо. Я подумаю об этом, — уступила она, протягивая обе руки, прежде чем опустить их. Затем она перевела взгляд на Хирона, выражение ее лица было безмятежным. — Кроме того, Луна не придет немедленно. Нам просто нужно выиграть как можно больше времени. Как только мы бросим Реннегера в Латеме, мы сможем уйти .

Хотя змей хранил молчание, Карина чувствовала его внимательное присутствие.

— После того, как все уладится, мы сможем исчезнуть в далеком месте, — продолжила она, крепко обнимая змею.

Хирон прищелкнул языком, но вскоре смягчился, лизнув ее в щеку, словно подчиняясь ее воле.

— Давай сбежим и будем жить мирно, только мы вдвоем, — прошептала Карина, нежно закрыв глаза и наслаждаясь мягкостью языка Хирона. — Это мое единственное желание.

Снаружи дома преобладало безжалостное завывание ветра. Холодный сквозняк просачивался через щель, посылая дрожь по спине Карины и проникая глубоко в ее ядро маны.

Расставаться с домом, в котором она жила почти три года, было несколько меланхолично, но Карина не могла позволить себе привязываться к какому-то одному месту. Только люди могли позволить себе роскошь пускать корни. Таким образом, она подавила всплеск грусти и изобразила безразличие. Она знала, что в будущем ей придется проходить через этот ритуал

расставания много раз, и не хотела, чтобы первый опыт был омрачен печалью.

— У меня все готово, — заявил Реннегер со смущенной улыбкой, открыто признавая, что сам он ничего не готовил.

На нем была простая одежда — белая рубашка, черные кожаные штаны и сапоги до колен, — которую можно было найти на любом случайном человеке на улице. Однако простая одежда смотрелась на нем удивительно эффектно. Белая рубашка плотно облегла его грудь, обнажая четко очерченные мышцы, созданные строгим владением мечом. Кожаные штаны также подчеркивали силу его бедер.

— Они тебе очень идут, — похвалила Карина, одобрительно кивнув, не в силах отрицать, что одежда подчеркивала его привлекательное телосложение.

— Неужели?— Спросил Реннегер, неловко улыбаясь и закатывая рукава. — Я впервые надеваю гражданскую одежду.

В его глазах горел огонь, но его улыбка излучала нежную ауру, которую другие не могли воспроизвести. Карине нравилось, как ямочки появлялись вокруг его губ, когда он улыбался. Она задумалась, целовалась ли она с ними когда-нибудь. Когда внезапная волна желания захлестнула ее, она протянула руку.

— Реннегер, — прошептала она, положив руку ему на щеку, когда их взгляды встретились, — у тебя расстегнута пуговица.

Реннегер внимательно наблюдал за ней, пока она ловко застегивала пуговицу неторопливым касанием. От каждого прикосновения ее руки к его коже по телу пробежали мурашки.

— О, спасибо, — кротко ответил он.

К своему удивлению, когда Карина взглянула на него, она обнаружила, что он покраснел. Несмотря на его смелые заигрывания накануне, малейшее прикосновение теперь заставляло его смущаться. Она не могла не посмеяться про себя над тем, каким молодым он был на самом деле.

— Возьми и это, — сказала она, протягивая ему Священный Меч.

Застигнутый врасплох неожиданным жестом, он принял меч с озадаченным выражением лица.

— Я сказала тебе, что верну это, когда ты уйдешь, — она пожала плечами.

Тихий вздох сорвался с губ Реннегера, и его лоб нахмурился, когда он погрузился в глубокое

размышление. После минутного самоанализа он осторожно приоткрыл губы и тихо пробормотал: “Ты действительно не лжешь”.

Под солнечным светом лазурные глаза Карины поднялись и встретились со взглядом Реннегера. Они казались чистыми и незапятнанными, сродни первозданному морю, свободному от загрязнений. Блеск ее взгляда был подобен маяку.

Отбросив иллюзорное эхо волн в своем сознании, Карина отвела взгляд. — А что, если я действительно солгала? — спросила она.

Реннегер не был смущен ее насмешливым тоном и ответил: “Учитывая твою историю честности, я бы, вероятно, тоже поверил в ложь”.

Слабый, невеселый смешок сорвался с губ Карины, когда она провела рукой по своим распущенным волосам. — Не слишком ли ты мне доверяешь? — спросила она, наклонив голову.

Глаза Реннегера проследили за движением ее руки, проследили за тем, как ее длинные темные волосы изящным каскадом спадают вниз, прежде чем вернуться к ее нежному лицу. Контраст между ее темными как смоль локонами и светлым, безупречным цветом лица подчеркивал яркость ее черт. Хотя он относился к ней со стоическим спокойствием, под поверхностью бурлили бурные эмоции.

— Будь осторожен, — предупредила она, сморщив нос и стиснув зубы. — Я могу просто проглотить тебя.

Реннегер не мог удержаться от смеха, находя ее действия неотразимо милыми. Подойдя ближе к ней, он взял ее за руку и спросил: “Ты бы правда?” Затем он слегка погладил большим пальцем тыльную сторону ее ладони и прошептал: “Это то, о чем я тоже мог бы подумать”.

Карина прикусила нижнюю губу, еще раз напомнив себе, как он преображался с каждым днем. Она высвободила руку из его хватки и заметила: “Священный Меч слушает. Подобные представления могут не понравиться.”

Только тогда Реннегер запоздало вспомнил о наличии Священного Меча. В его руке был знак, подтверждающий его личность как Латема и сына бога. Однако возбуждение, которое когда-то охватывало его всякий раз, когда он держал в руках меч, по-прежнему отсутствовало. Он ничего не чувствовал.